

— Я слышал, что вор оставил письмо в коробке, — Хэлянь Гуйянь нахмурился, его лицо выражало недоумение. — Прошу Ваше Величество простить Мобэй за небрежность в хранении драгоценности.

— Пока ситуация не прояснилась, нет смысла просить прощения, — хотя Сяо Юйшань и говорил это, в душе он подозревал Хэлянь Гуйяня, считая, что все это слишком странно.

Даже если в мире есть воры, осмелившиеся проникнуть во дворец, они не смогли бы избежать внимания императорской гвардии. Если вора нет, то, возможно, это дело рук самих людей из Мобэя, которые украли драгоценность сами, но тогда зачем сначала преподносить ее, а потом красть? Это не имеет смысла.

Пока ситуация не прояснилась, нельзя делать поспешных выводов.

Сяо Юйшань, решив так, немедленно отправился обратно во дворец, даже не успев попрощаться с Чу Циюнем.

После того как Сяо Юйшань и его свита уехали, даосы храма Сюйхэ немного расслабились, ведь с отъездом императора им больше не нужно было строго соблюдать этикет и следить за каждым словом.

Чу Циюнь, увидев, что Сяо Юйшань уехал в спешке и с недовольным выражением лица, сразу понял, что во дворце произошло что-то серьезное. В такие моменты он сожалел, что был всего лишь простым даосом и не мог помочь Сяо Юйшаню решить его проблемы, даже не мог оставаться рядом с ним — это было его величайшим сожалением в жизни.

На столе в чайной комнате осталась половина тарелки плодов гингко и полчашки чая. Когда Чу Циюнь убирал, он заметил, что и плоды, и чай остыли, и почему-то вспомнил поговорку: «Человек уходит, чай остывает, музыка заканчивается». Хотя он был человеком свободным и оптимистичным, сейчас он не мог не почувствовать грусть.

Чу Циюнь сидел на том же месте, где сидел Сяо Юйшань, и размышлял, когда вдруг дверь открылась, и он очнулся. Оказалось, что старший брат передал ему сообщение от учителя, сказав, что тот хочет его видеть.

Чу Циюнь поспешил убрать чайную комнату и отправился к Даосу Цанъяну. Войдя, он почтительно поклонился и тихо спросил:

— Учитель, вы звали меня?

Даос Цанъян не ответил, и в длительной тишине можно было бы услышать падение иголки. Чу Циюнь оставался в поклоне, но его брови постепенно сходились, и он смутно понимал, что это, возможно, связано с Сяо Юйшанем.

Ведь Даос Цанъян ранее предупреждал, что не хочет, чтобы храм Сюйхэ ввязывался в борьбу знатных семей, и даже однажды дал Чу Циюню предупреждение по этому поводу.

— Ты больше не можешь оставаться в храме Сюйхэ, завтра утром спускайся с горы, — сказав это, старец тяжело вздохнул.

Даос Цанъян долго молчал, и когда наконец заговорил, его слова оказались неожиданными. Чу Циюнь был ошеломлен, и в его сердце хлынула волна удивления. Даже обладая красноречием, он не смог произнести ни слова.

Даос Цанъян не стал продолжать, тихо произнес даосское приветствие и повернулся, чтобы уйти.

Чу Циюнь наконец пришел в себя, но, не понимая причины, чувствовал печаль и негодование, спросил:

— Учитель, я не понимаю...

Не дав Чу Циюню закончить, Даос Цанъян горько засмеялся:

— Обычно я считал тебя умным и проницательным, но ты все еще не можешь понять причину, ты действительно глуп и не подходишь для пути Дао.

Даос Цанъян всегда был добрым и милосердным, с тех пор как подобрал Чу Циюня и привел его в храм Сюйхэ, он особенно любил этого ученика. А теперь он сам выгонял его и произносил слова, которые ранили сердце.

— Если ты никогда не был предан духовной практике, то зачем цепляться за храм Сюйхэ? — Не дав Чу Циюню попросить о снисхождении, старец продолжил:

— Ты всегда был человеком мира, иди обратно в мир.

Хотя Даос Цанъян не сказал этого прямо, он указал на суть проблемы. Чу Циюнь был умным человеком и сразу понял, что учитель намекает на его отношения с Сяо Юйшанем.

В этот момент, даже обладая красноречием, Чу Циюнь не смог ничего сказать. Причина была проста — это правда, и отрицать было нельзя.

Даос Цанъян, увидев, что Чу Циюнь больше не оправдывается, снова вздохнул, и его голос снова стал мягким, как прежде, словно теплый ветер:

— Иди, если однажды ты решишься, вернись в храм.

Чу Циюнь нахмурился, его брови сомкнулись, образуя морщину:

— Хорошо.

Сказав это, он глубоко поклонился спине учителя. Даос Цанъян уже повернулся, чтобы уйти, но, услышав ответ Чу Циюня, на мгновение остановился, а затем снова пошел вперед.

— Иди, — старец снова вздохнул, хотя и с сожалением, но не обернулся. — Завтра утром спускайся с горы.

Чу Циюнь, хотя и был свободным и неуправляемым, с детства не имел сердца для духовной практики, но храм Сюйхэ был местом, где он вырос, его убежищем на протяжении двадцати лет, и он считал его своим домом. В храме учитель был добрым и ласковым, старшие братья — доброжелательными и дружелюбными, и за двадцать лет Чу Циюнь никогда не сталкивался с плохим обращением.

Но теперь, когда учитель внезапно велел ему уйти, Чу Циюнь почувствовал, будто его душа покинула тело, и его сердце опустело. Он ворочался всю ночь, не смыкая глаз. Когда он снова поднялся, то увидел, что за окном тьма сменяется рассветом.

Вдруг раздался стук в дверь, и Чу Циюнь удивился, не зная, кто мог прийти в такое время, и

ответил:

— Войдите.

Оказалось, это был его младший ученик Лу Цзыжун. Он держал в руках сверток из серой ткани, его лицо было печальным:

— Младший учитель, ты уходишь?

— Кто тебе сказал? — Чу Циюнь думал, что учитель не станет распространять эту новость, а он сам ничего не говорил, так откуда в храме Сюйхэ появился третий человек, знающий об этом?

Лу Цзыжун сунул сверток в руки Чу Циюня:

— Учитель велел передать тебе это и запретил рассказывать другим.

Чу Циюнь снова почувствовал горечь, развязал сверток и увидел две новые одежды и мешочек с мелкими серебряными монетами. Развернув одежду, он увидел две кукурузные лепешки. Увидев еду, он стукнул Лу Цзыжуна по голове и сказал:

— Зачем это?

— Это мой небольшой подарок, если не хочешь, то не бери, — Лу Цзыжун потер голову и сделал вид, что хочет забрать лепешки.

Чу Циюнь, почувствовав, что его горе немного рассеялось, намеренно уклонился и сказал младшему ученику:

— Разве можно дарить подарок, а потом забирать его обратно?

Лу Цзыжун надул щеки, как у булочки, и сказал:

— Услышав, что ты уходишь, я хотел сделать что-то для тебя, но у меня почти нет денег, и больше ничего нет, только сэкономил на завтраке.

Чу Циюнь был тронут, но не показал этого, разделил одну лепешку и протянул ее Лу Цзыжуну, сказав тихо:

— Тогда съешь завтрак со своим младшим учителем в последний раз.

Лу Цзыжун откусил кусочек, но не смог проглотить. Он и его младший учитель всегда подшучивали друг над другом, нарушали правила и прикрывали друг друга, они были лучшими друзьями. Теперь, когда наступила разлука, как можно не печалиться?

Чу Циюнь тоже чувствовал грусть, но, возможно, из-за своей природной жизнерадостности или притворства, что не понимает боли разлуки, утешил Лу Цзыжуна:

— Мы ведь не навсегда расстаемся, я найду место в городе Цзяньян, и у нас еще будет возможность встретиться.

— Младший учитель, ты не должен нарушать свое обещание, — Лу Цзыжун подумал и поспешно добавил:

— Когда я спущусь с горы по делам, я обязательно остановлюсь у тебя на несколько дней.

